

Антропологический тип башкир привлек внимание исследователей ещё в XIX в. Этому вопросу посвятили свои работы Н.М. Малиев, П.С. Назаров, Д.П. Никольский, А.Н. Абрамов¹ и др., которые подчёркивали смешанное происхождение расового типа башкир и неоднородность их антропологического состава.

В 1916 г. публикуется фундаментальный труд С.И. Руденко “Башкиры: Опыт этнолого-культурной монографии”, в которой автор на материалах измерений 1897 человек делает обстоятельное описание физического типа башкир и выделяет антропологические различия населения юго-западных, северо-западных и восточных районов Башкортостана. Основные выводы дополнены серией фотографий наиболее ярких представителей территориальных групп башкир. Отсутствие в то время чёткой расовой классификации народов России не позволило С.И. Руденко отнести физический тип башкир к той или иной расе².

В 1963—1965, 1967 гг. этот пробел был восполнен экспедициями Института антропологии МГУ под руководством М.С. Акимовой. Было изучено 1250 башкир на территории Башкортостана и Челябинской области. Кроме соматологической программы (рост, вес, цвет волос, кожи, глаз, форма лица и др.), исследовалась кровь по стандартным международным групповым системам (ABO, MN, резус-фактор), брались отпечатки кожных узоров ладоней и пальцев.

М.С. Акимова впервые выделила среди башкир четыре антропологических типа: субуральский, южносибирский, светлый европеоидный и понтийский, — имеющих чёткую территориальную привязку (рис. 1). Субуральский тип чаще встречается у населения северных, северо-западных лесных районов, южносибирский тип — северо-

восточных и особенно зауральских. Признаки темнопигментированного понтийского типа фиксируются у башкир бассейна р. Дёма, а также юго-западных и горно-лесных районов. Автором были выдвинуты предположения о происхождении данных типов³.

Значительный вклад в разработку проблем антропологии башкирского народа внесла работа международной Советско-финляндской экспедиции 1983 г. под руководством заведующего отделом антропологии Института этнографии им. Миклухо-Маклая АН СССР (ныне Институт этнологии и этнической антропологии РАН) профессора А.А. Зубова. Были исследованы башкиры Стерлибашевского, Архангельского и Илишевского районов БАССР по соматологической, одонтологической, дерматоглифической, краниологической и серологической программам. В каждом районе было проведено антропологическое фотографирование более 300 мужчин и получены обобщенные фотопортреты (рис. 2). Был использован ультразвуковой метод определения толщины мягких тканей лица. Исследовались органы зрения. В результате был сделан вывод, что существенную роль в формировании антропологического состава башкирского народа сыграло древнейшее население края. Этот компонент, связанный с признаками уральской расы, принял участие в расогенезе не только башкир, но и финно-угорских и тюркских народов от Западной Сибири до Финляндии⁴.

Выделение четырёх расовых типов даёт широкие возможности для синхронного анализа и выяснения антропологического состава башкир в сравнении с окружающими народами. Однако происхождение расовых типов башкир невозможно представить без выхода на палеоантропологию древнего на-

Рис. 1. Антропологические типы (по Я.Я. Рогинскому и М.Г. Левину):
1 — уральский тип; 2 — южносибирский тип; 3 — понтийский тип; 4 — памиро-ферганский тип;
5 — светлый европеоидный тип.

Рис. 2. Обобщённые фотопортреты башкир:

1 — Архангельский район; 2 — Стерлибашевский район; 3 — Илишевский район.

селения через современную краиологию. Соматологические данные по живому населению исключают эту возможность.

В связи с этим в 1977—1987 гг. антропологическими экспедициями под руководством Р.М. Юсупова были проведены широкомасштабные работы по сбору краиологических материалов XVIII—начала XX вв. на территории Башкортостана, Пермской и Челябинской областей. Полученные материалы характеризуют почти все этнографические группы башкир и представлены 14 краиологическими сериями, включающими более тысячи мужских и женских черепов⁵.

Анализ материала позволил выделить четыре краиологических комплекса. В отличие от соматологических краиологические материалы показали относительную гомогенность популяции башкир, что может свидетельствовать о процессе антропологической консолидации народа, которая совпадает по направлению с этнической интеграцией, но, будучи явлением биологического порядка, отстает от неё в своих темпах. Женщины оказались более однородными в отличие от мужчин, для которых характерна многокомпонентность антропологического состава. В регионе выявлено несколько направлений расогенетических связей. Одно из них — юго-восточное, включающее связи с тюркоязычными хакасами, шорцами, казахами, киргизами и уграми Западной Сибири. Это характерно для северо-восточных и зауральских башкир. У северо-западных и несколько слабее у юго-западных групп заметно большое влияние краиологического типа финнов и тюрков

Поволжья и Прикамья, обнаруживается наибольшая связь с чuvашами. Серии женских черепов близки в основном краиологическим материалам финнов и тюрков Волго-Камья и отчасти угров Западной Сибири, т. е. народов уральской расы.

Таким образом, можно сказать, что в северо-западных и северных лесных районах Башкортостана процессы расогенеза протекали при активном участии уральской и светлой европеоидной рас, а в Зауралье, юго-восточных, южных и горно-лесных районах — южносибирской расы и европеоидов южного происхождения (рис. 3).

Каково происхождение этих расовых типов, какова их роль в этно- и расогенезе башкир? На эти вопросы в какой-то степени позволяет ответить ретроспективный анализ серий черепов VII в. до н.э.—XX в. н.э.

Поэтапный сравнительный анализ палеоантропологических материалов, датируемых с VII в. до н.э. по XIII—XIV вв. н.э., с современными сериями черепов позволяет говорить, что наиболее древними среди башкир можно считать представителей уральской и понтийской рас, биологические предки которых осели в регионе ещё до рубежа н.э.

Комплекс признаков уральской расы фиксируется ещё на черепах населения пьяноборской культуры, существовавшей в нижовьях р. Белая и ср. течении р. Кама с III в. до н.э. по II в. н.э. Языковеды считают их финно-уграми. Характерные для пьяноборцев признаки (небольшие размеры черепа, относительно низкое среднеширокое лицо, низкое переносце, светлая пигментация) доволь-

но чётко прослеживаются на черепах последующего времени у населения бахмутинской культуры V—VIII вв. н.э. (Бирский могильник) и современных башкир северных, северо-западных районов Башкортостана. Этот же комплекс признаков составил основу расового типа удмуртов, марицев, чувашей, части татар⁶.

Не менее древним представляется время проникновения на территорию современного Башкортостана населения, характеризующегося признаками темнопигментированного или понтийского типа южного происхождения. Есть основания считать, что эти признаки были характерны для савромато-сарматских племён Южного Урала с VII в. до н.э. по IV в. н.э. Палеоантропологические материалы, полученные из Альмухаметовских, Старо-Кишишковских, Ново-Муратловских курганов Башкортостана, а также из Филипповских курганов Оренбургской области, показали единство расового типа сарматов и савроматов Южного Урала, генетические корни которого уходят в районы Приаралья, Притяньшанья в среду сако-усуньских племён. Черепа (два мужских и один женский) из Филипповских курганов отправлены в Москву в лабораторию пластической антропологической реконструкции для восстановления внешнего облика сарматов IV в. до н.э.

В целом, для сарматов был характерен резко выраженный европеоидный комплекс признаков с небольшой монголоидной примесью алтайского происхождения. Характерные признаки этого типа (довольно крупные размеры черепа, резко выступающие носовые кости, средневысокое, умеренно широкое лицо) в той или иной степени проявляются у населения конца I тыс. н.э., представленного сериями черепов из Бекешевских курганов, а также у современных башкир южных, юго-восточных, горно-лесных районов.

На фоне этих расовых типов комплекс признаков смешанной монголоидно-европеоидной южносибирской расы в антропологическом составе башкир имеет довольно позднее происхождение. Его можно связать с кочевниками IX—XII вв., оставившими на северо-востоке Башкортостана Муракаевские, Старо-Халиловские, Мрясимовские курганы, и отчасти с кыпчаками XIII—XIV вв., входившими в состав Золотой Орды. До рубежа I и II тыс. н.э. этот тип на территории Южного Урала не фиксируется. Характерные признаки южносибирского типа (широкое, высокое, несколько уплощенное лицо, менее выра-

женный нижний край носовых костей (угол выступания), наличие эпикантуса, тёмная пигментация, прямые жёсткие волосы) чаще встречаются среди зауральских, восточных и юго-восточных башкир. На антропологической карте Средней Азии и Казахстана он наиболее широко распространён среди казахов, киргизов и части алтайцев. В отличие от этих народов у башкир в основе южносибирского расового типа преобладает европеоидный компонент.

Диахронный анализ современных и древних черепов позволяет сказать, что описанные расовые типы в антропологическом составе башкир имеют не только чёткую территориальную локализацию, но и свой исторический возраст, т. е. время их появления и оседания на Южном Урале. Это было связано с тем или иным конкретным этносом, который не исчезал, а становился субстратным компонентом последующих этнических процессов. В материальной культуре, языке современных башкир, топонимии края этнографы и языковеды фиксируют, кроме общетюркского, финно-угорские и индоиранские элементы. Интересно, что ареалы распространения финно-угорских топонимов совпадают с ареалом уральской расы, а индоиранских — с понтийским типом. Это лишний раз указывает на многокомпонентность антропологического состава и сложность этнической истории башкир. В связи с этим возникают вопросы: с какого периода начинается этническая история башкир на Южном Урале? Были ли они пришлым или автохтонным населением? Кого считать предками башкир?

Обратимся вновь к палеоантропологическим материалам. Из всей совокупности материалов серии черепов современных башкир обнаруживают наибольшее морфологическое сходство с черепами VII—IX вв. н.э. из Бекешевских курганов карайкуповской культуры. Если субстратный компонент, связанный с сармато-аланами, проявляется в расовом типе башкир южных, юго-восточных и горно-лесных районов, а финно-угорский — северо-западных, северо-восточных и северных районов, то антропологические особенности расового типа кочевников VII—IX вв. присутствуют практически во всех изученных группах современных башкир. Бекешевская серия черепов европеоидна почти по всем параметрам и имеет небольшую монголоидную примесь. Похоже, что эта группа населения, появившаяся на

Южном Урале уже в смешанном виде, получила широкое распространение и довольно быстро установила контакты с местным населением. Об этом говорит сходство серии черепов из Бекешевских курганов как с материалами из Бирского могильника (население северных лесных районов VII—VIII вв.), так и с черепами кочевников IX—XI вв. с северо-востока Башкортостана. С сарматами у бекешевцев обнаруживается общность происхождения европеоидного компонента, уходящего своими корнями в сако-усуньский мир Приаралья и Семиречья. Серия черепов из Бекешево оказывается наиболее близкой к черепам саков и усуней тех же районов, что указывает на истоки и пришлый характер каракуповцев. Миграция их на Южный Урал, видимо, была массовой, т. к. до их появления антропологические различия между населением леса и степи, локальных групп археологических культур чётко прослеживались, а после IX—XI вв. они слаживаются, происходит нивелировка расовых типов почти по всей территории региона⁷.

Полученная картина может свидетельствовать о том, что к концу I тыс. н.э. в регионе постепенно начинают смыкаться языковые, культурные, антропологические характеристики носителей этногенетического заряда, и с этого времени этнические и расогенетические процессы начинают развиваться в одном направлении — формировании будущего этноса. Не будет преувеличением считать I тыс. н.э. началом этнической истории народа на Южном Урале, а кочевников VII—IX вв. — этническими предками башкир. Именно в этот период закладываются их основные расовые, а возможно, и этнические характеристики; не случайно в древних письменных источниках IX—X вв. башкиры фиксируются как самостоятельный народ⁸.

Сравнение серий черепов современных башкир с материалами XIII—XIV вв. с территорией Башкортостана и данными по кыпчакам XIII—XIV вв. бассейна р. Урал в Оренбургской области показало, что к началу монгольских завоеваний происходит стабилизация антропологической картины в регионе, которая без резких изменений прослеживается и в настоящее время.

Серия черепов кыпчаков, с одной стороны, оказалась неоднородной по антропологическому составу, а с другой — довольно резко отличается как от синхронных материалов с территории Башкортостана (могильники Ильчикулово, Сынтыш-Тамак), так и от дан-

ных по современным башкирам. В то же время они очень близки к кыпчакам Центрального Казахстана и современным казахам.

Следы проникновения и взаимодействия башкир с кыпчаками проявляются в Зауральских и юго-восточных районах Башкортостана, где в физическом облике современного башкирского населения чётко прослеживаются черты южносибирского типа. Однако даже в этих районах в антропологическом типе башкир сохранился домонгольский субстратный компонент европеоидного происхождения, восходящий к рубежу н.э. В политическом, культурном, языковом отношении кыпчаки несомненно сыграли важную роль в этнических процессах региона, но это не сопровождалось их массовым притоком, активным биологическим смешением и оседанием в среде местного населения. Поэтому можно сказать, что монголоидный компонент, связанный с кыпчаками XIII—XIV вв., не оказал ощутимого влияния на расогенез башкир⁹.

Роль кыпчаков в расогенетических процессах, похоже, не выходила за пределы Дешт-и-Кыпчака, т. к. наибольшее распространение южносибирского типа приходится на просторы Великого пояса степей. На территории Центрального Казахстана кыпчакский компонент в XIII—XIV вв. оказался доминирующим фактором не только в этногенезе, но и в расогенезе современных казахов, что не противоречит выводам и казахских антропологов¹⁰.

Из изложенного вытекает, что расогенетические процессы на территории расселения башкир рубежа I—II тыс. н.э. протекали относительно самостоятельно на основе того антропологического типа, который к IX—X вв. н.э. уже сложился и получил широкое распространение в регионе. Расовый состав башкир не претерпел резких изменений и в период монгольского нашествия. К моменту первых походов Чингисхана башкиры, видимо, представляли собой самостоятельный этнос — мощный военно-политический союз племён, известный у окружающих народов под этнонимом “башкорт” с чётко определёнными границами расселения, своей культурой и установившимся антропологическим составом. Существенные различия черепов XIII—XIV вв. с бассейна р. Урал и современных башкир позволяют говорить, что р. Урал в тот период была не только водоразделом между степями, но и, возможно, пограничным рубежом между башкирами и Золотой Ордой. Это, в свою очередь, даёт материал

1

1

2

3

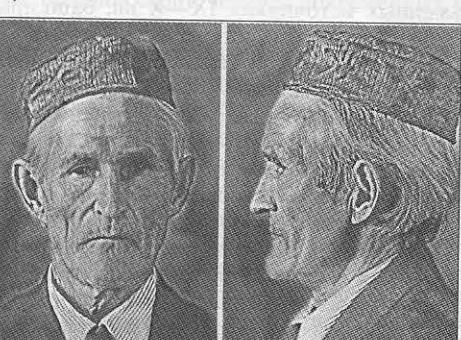
4

4

5

5

Рис. 3. Антропологические типы башкир:

1 — субуральский тип; 2 — южносибирский тип; 3 — светлый европеоидный тип;

4 — понтийский тип; 5 — смешанный урало-понтийский тип.

для размышления о военно-политическом статусе страны башкир в период монгольских завоеваний и повод для постановки вопроса: “Была ли она завоёвана монголами?”¹¹

Таким образом, анализ современных и древних серий черепов показывает, что расовый состав современных башкир отражает основные этапы формирования их антропологических типов. Основными компонентами антропологического состава населения Южного Урала, сложившегося в результате длительной и неоднократной метисации прошлого и местного населения в последние 3,5 тыс. лет, явились представители местной уральской расы и пришлого pontийского, светлого европеоидного, южносибирского, памиро-ферганского и других антропологических типов (рис. 1, 3). С каждым из этих типов связаны конкретные периоды в истории края, которые можно выделить как индоиранский, финно-угорский, тюркский и золотоордынский.

Индоиранский период, длившийся более тысячетелетия в степной и лесостепной полосе Южного Урала, был связан с темнопигментированным pontийским типом, представленным савроматами и сармато-аланами, которые являются очень далёкими, если не этническими, то биологическими предками башкир. С финно-угорским периодом, примерно синхронным с индоиранским, связан местный по происхождению комплекс признаков уральской расы. Более поздним по времени является тюркский период, который продолжается и в настоящее время. Благодаря тюркским кочевникам антропологическая картина Южного Урала пополнилась носителями южносибирского и памиро-ферганского типов. Наличие всех этих типов, имеющих разный исторический возраст в антропологическом составе современных башкир, указывает на непрерывность расогенетических процессов в регионе и дискретность этнических. Таким образом, можно сделать вывод, что, несмотря на неоднократную смену языков и культур, полной смены населения не происходило, что в свою очередь указывает на неоднозначность процессов расогенеза и этногенеза башкирского народа.

С биологической точки зрения более стабильными во времени являются расогенетические процессы. Из основных характеристик этноса — язык, культура, расовый тип — первые два в отличие от физического типа более подвержены изменениям во времени, а антропологические особенности даже в

случаях метисации сохраняются и передаются из поколения в поколение, что даёт возможность их реконструировать.

В связи с этим возникает вопрос: “Кого считать предками башкир?” Выше было показано, что данные по современным башкирам из имеющегося палеоантропологического материала оказались наиболее близки к серии черепов VII—IX вв. карайкуповской культуры. Видимо, они и явились ядром формирующейся народности и сыграли этнообразующую роль на Южном Урале в конце I тыс. н.э. Их можно считать ближайшими этническими предками, но расовый состав и расогенез башкир обнаруживает более глубокие корни в лице представителей уральского и pontийского антропологических типов, которые были расселены на Южном Урале ещё до рубежа н.э., т. е. задолго до тюркизации края. Следовательно, они являются если не этническими, то тюркизированными биологическими предками народа, и их невозможно исключить из процесса расогенеза современных башкир. Поэтому, рассматривая этническую историю и расогенез башкир на Южном Урале, лучше говорить о тюркском этапе в истории края, которому предшествовали индоиранский и финно-угорский, что отразилось в появлении однотипных теорий происхождения народа.

Все эти теории, казалось бы, взаимоисключают друг друга, но если их рассматривать с расогенетической точки зрения, то они отражают историческую реальность как взаимосвязанные между собой этапы в развитии этнических процессов на Южном Урале, так или иначе затрагивающие историю происхождения и формирования антропологического состава башкирского народа.

Вышеизложенное позволяет говорить об антропологических комплексах, исторически сложившихся на территории Южного Урала на разных этапах его заселения и составивших основу расового состава современных башкир. В настоящее время сочетание в лице одного этноса нескольких расовых типов, имеющих самостоятельное происхождение, является конечным результатом сложных расогенетических процессов, протекавших в регионе с глубокой древности до современности (рис. 4—7).

Расогенез — длительный историко-биологический процесс формирования на конкретной географической территории комплекса расовых признаков, происходящий под воздействием природно-климатических факторов

Рис. 4. Антропологические типы юго-восточных башкир.

и сопровождающийся выработкой адаптивно-приспособительных признаков. В этнической антропологии при изучении расогенетических процессов учитываются также факторы миграции, метисации, эпохальной изменчивости, географической изоляции и т. д.

Южный Урал уже в эпоху бронзы предстает не как первичный очаг расообразования, а как территория, на которой пересекались исторические судьбы многих этнических образований со сложившимися расовыми типами. Формирование антропологического состава населения происходило здесь под воздействием таких социально обусловленных факторов, как миграция и метисация. Результат этих процессов представлен в настоящее время сочетанием в физическом типе башкирского народа нескольких расовых типов, имеющих самостоятельное происхождение и свой “исторический возраст”.

Необходимо подчеркнуть, что эпоха бронзы не рассматривается как начало этнической истории башкир — речь идет лишь об определении исторического возраста имеющегося в их составе того или иного расового типа, выступающего одним из компонентов в общей антропологической характеристике народа.

Этническая история народа, видимо, начинается с того момента, когда в конкретный исторический период в регионе начинают смыкаться языковые, культурные и антропологические характеристики носителей этногенетического заряда, в результате чего расогенетические и этнические процессы протекают в дальнейшем в одном направлении — формировании будущего этноса со всеми его характеристиками. Не будет преувеличением сказать, что расогенетические корни башкир в регионе уходят в очень древние антропологические пласти предшествующего им населения, которое может рассматриваться не только как один из физических предков народа, но и как компонент в его этнической истории.

Для систематизации огромного палеоантропологического материала, представленного в археологических памятниках Южного Урала и охватывающего более чем 3,5 тыс. лет, представляется удобной периодизация с позиции археологической культурологии, не идентичной этнической археологии. Исследователи также пользуются периодизацией, в основе которой лежит языковая принадлежность проживавших здесь народов: индоиранский (шире — индоевропейский), финно-угорский и тюркский.

Рис. 5. Антропологический тип северо-восточных башкир.

Население эпохи бронзы (II—начало I тыс. до н.э.) условно можно считать исходным антропологическим пластом, т. к. сегодня в распоряжении исследователей нет данных по более древнему населению края. Имеющийся материал характеризует в основном срубную историко-культурную общность, следы которой довольно четко фиксируются на территории Южного Урала на протяжении пяти веков (XVII—XII вв. до н.э.). Это серии черепов из могильников Старые и Новые Ябалаклы, Чишмы и Петряево (бассейн р. Дёма); Акназарово, Качкиново и Санзяпово (южный Башкортостан); Ново-Баскаково и Тартышево (северо-западный Башкортостан)¹².

Результаты исследований показали, что характерной антропологической чертой населения эпохи бронзы являлся матуризованный, резко выраженный европеоидный комплекс признаков. Монголоидная примесь не была обнаружена ни на одном черепе.

В расовом отношении население Южного Урала во II тыс. до н.э. было неоднородным и состояло из древних северных и южныхprotoевропеоидов. В центральных и северо-западных районах Башкортостана наиболее распространённым был северный protoевропейский (или "кроманьонидный" в широком смысле слова) тип: массивный череп с низкими орбитами, широким лицом, резко выступающими носовыми костями. Происхождение этого типа связывается с родственным населением Среднего и Нижнего Поволжья (установлена генетическая связь срубников с полтавинцами). Из всего срубного населения Восточной Европы южноуральские срубники были наиболее массивными и имели самые широкие лица¹³.

На материалах южных лесостепных и степных районов современного Башкортостана прослеживается также и краиологический тип южных европеоидов, представленный одним из вариантов древней восточно-средиземноморской расы. Отличительные его черты — длинноголовость, относительная грациальность черепа, узкое, высокое лицо, более резкая профилированность лицевого скелета, сильно выступающие носовые кости. Своим происхождением этот тип связан с древними индоиранцами южных районов Туркмении, Казахстана и Ирана. Не исключена его метисация с андроновцами Казахстана. Ещё Г.Ф. Дебец обратил внимание, что черепа эпохи бронзы из Западного Казахстана отличаются от классических андроновцев более грациальной формой черепной коробки, а черепа населения андроновской культуры, найденные под г. Актюбинск, были отнесены в своё время В.В. Гинзбургом к средиземноморскому типу¹⁴.

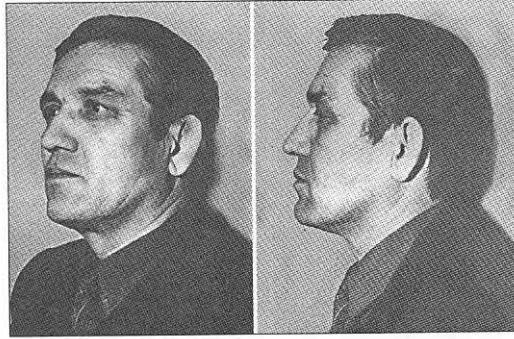

Рис. 6. Антропологический тип юго-западных башкир.

Если наличие данного антропологического типа среди срубного населения Башкортостана подтвердится в будущем на более представительном материале, то это будет иметь принципиальное значение, ибо станет очевидно, что расогенетические процессы на Южном Урале в эпоху бронзы протекали под влиянием как западных, так и южных групп европеоидов. Материалы Петряевского и особенно Акназаровского и Санзяповского могильников, содержащие черепа с признаками северной protoевропейской и средиземноморской рас, позволяют заключить, что в эпоху бронзы расогенетические процессы на Южном Урале определялись факторами миграции и метисации европеоидных групп населения. Антропологические находки из памятников срубной культуры обрываются XII в. до н.э., поэтому пока не представляется возможным говорить о дальнейшей судьбе древних индоевропейцев в регионе и

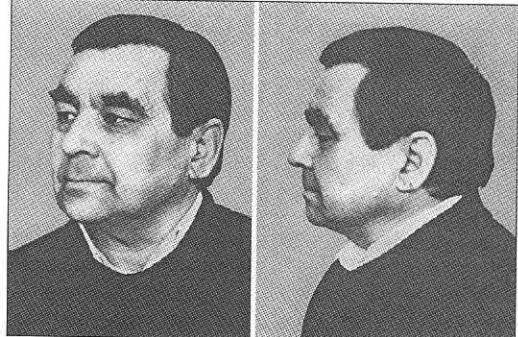

Рис. 7. Антропологический тип северо-западных башкир.

тем более об их роли в этно- и расогенетических процессах, происходивших в последующее время.

Развитие Южного Урала в эпоху раннегоЖелеза (VIII в. до н.э.—IV в. н.э.) протекало в основном под сильным давлением кочевников из юго-восточных и южных регионов. К этому времени в степях Казахстана в результате грациализации андроновского типа, а также его смешения с монголоидными группами, древними средиземноморцами и др. происходит формирование южносибирской расы и расы среднеазиатского Междуречья.

В VIII в. до н.э. на Южном Урале появляются кочевые группы — носители савроматской культуры. На археологическом материале прослеживается взаимосвязь населения эпохи бронзы и раннего железного века¹⁵. Однако краинологический материал (например, из Альмухаметовского курганного могильника) не выявил прямых расогенетических связей южноуральских савроматов с предшествующим населением эпохи бронзы. Не обнаружено близких им аналогий и в районах Среднего и Нижнего Поволжья¹⁶.

На савроматском этапе впервые на Южном Урале начинает фиксироваться небольшая монголоидная примесь: увеличивается ширина лицевого скелета, происходит некоторое его уплощение. В какой-то степени это может указывать на усиление в этот период восточных связей населения региона. Действительно, сравнительный анализ черепов показал большую близость савроматов Башкортостана по расовому типу к сако-усуньскому миру Приаралья, Семиречья и Восточного Казахстана. Из предшествующего населения эпохи бронзы южноуральским савроматам более близки андроновцы Казахстана, нежели местные срубники. В целом,

по комплексу признаков савроматы Башкортостана обнаруживают морфологическое сходство, как уже отмечалось, с сако-усуньскими группами и особенно с саками Приаралья VII—V вв. до н.э.¹⁷

На этом этапе в расогенетических процессах существенную роль сыграл также миграционный фактор. Антропологический тип савроматов, вероятнее всего, сложился вне Южно-Уральского региона. Типологически он восходит к грациализированному андроновскому варианту, смешанному с "уралоидными" расовыми типами Алтая-Саянского нагорья. Наиболее активно процесс смешения происходил в среде саков и усуней, в которой начинает формироваться комплекс признаков расы среднеазиатского Междуречья.

Таким образом, можно сказать, что этот этап расогенеза на Южном Урале характеризуется почти полным отсутствием генетических связей савроматов с местным населением эпохи бронзы, определяется юго-восточными связями и активным проникновением и оседанием в регионе кочевых групп, вышедших из среды саков и усуней. Отсюда можно предположить, что индоевропейская и, в частности, индоиранская общность к первой половине I тыс. до н.э. в расовом отношении состояла не только изprotoевропеоидов и древних средиземноморцев, но и групп смешанного происхождения с монголоидным компонентом алтайского и притяньшанского происхождения.

Юго-восточные связи лесостепного и степного населения Южного Урала сохраняются и в последующее время — у населения сарматской культуры на раннем её этапе (рис. 8). В формировании ранних сарматов в регионе основную роль сыграли два направления генетических связей: с предшествующим савроматским населением и родственными группами из соседних регионов.

Таксономически важные признаки лицевого скелета савроматов — степень профилизированности, скуловой диаметр, высота лица и орбит, строение переноса — в основном повторяются на сарматских черепах из могильников Старые Кишки и Ново-Мурзаталово. В свою очередь, раннесарматские черепа из разных могильников оказываются типологически очень близки друг другу. Более того, по большинству признаков сходство доходит до идентичности. При этом в расовом типе ранних сарматов по сравнению с савроматами происходит дальнейшее накопление признаков восточного расового ствола.

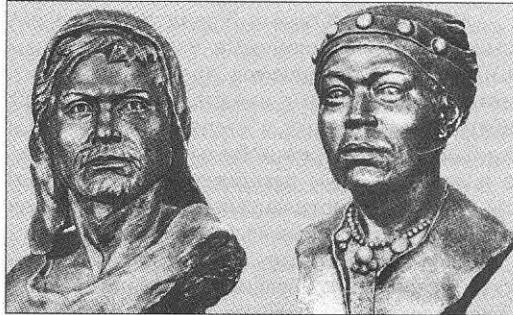

Рис. 8. Антропологический тип населения лесной полосы Южного Урала на рубеже н.э. Пьяноборская культура. Реконструкция Г.В. Лебединской.

Таким образом, можно констатировать местное развитие раннесарматского населения на основе савроматского, происходившее на фоне непрекращающихся контактов с родственными группами из Приаралья и Семиречья. Территориальная изменчивость антропологических признаков на Южном Урале в VII—II вв. до н.э. указывает на относительную стабилизацию расового состава сарматского населения с его постепенным расселением на север до границ леса.

Население пьяноборской культуры лесной полосы Южного Урала на рубеже н.э. продолжает сохранять в своём генотипе комплекс признаков несколько сложенного европеоидного антропологического пласта, отличающегося своим происхождением от сарматского населения лесостепей и степей Башкортостана (рис. 9). Если физический тип населения пьяноборской культуры характеризовался как один из вариантов местной уральской расы, широко распространённой среди населения лесной полосы Волго-Камья и Приуралья, то сарматские черепа по своему типу имеют южное и юго-восточное происхождение¹⁸.

К рубежу и в первые века н.э. в среде сарматского населения происходит дальнейшее наслаждение монголоидной примеси и некоторое изменение антропологического типа. На среднесарматском этапе черепная коробка сужается и удлиняется; сужается и несколько увеличивается высота лицевого скелета; уменьшается угол выступания носовых костей и профилированность лицевого скелета на уровне зигомаксиллярных точек, что указывает наmetisное происхождение данного комплекса признаков, но с иными компонентами, чем те, которые участвовали в формировании ранних сарматов Приаралья. В первые века н.э. происходит проникнове-

ние на Южный Урал длинноголового, узко-высоколицего типа южного происхождения, типологически близкого к одному из вариантов средиземноморской расы. С ними, видимо, связано происхождение обычая искусственного деформирования черепной коробки наложением различного рода повязок в раннем детстве. В этот же период фиксируется начало взаимодействия сарматов с населением лесной полосы Урала. По целому ряду признаков черепа из Уметбаевского могильника (средний этап сарматской культуры) занимают промежуточное положение между черепами ранних сарматов (Ново-Мурапталово, Старые Кишики) и местного полукочевого населения караабызской культуры (Биктимировский и Охлебининский могильники) (рис. 10). Причем по ряду признаков сарматы среднего этапа оказываются более близкими к населению караабызской культуры¹⁹. Сопоставление "уметбаевских" черепов с материалами оседлого лесного населения пьяноборской культуры (Камышлы-Тамакский могильник) даёт большие различия, что исключает их прямые генетические контакты. Отсюда можно предположить, что расогенетические процессы в лесной и лесостепной зоне в первые века н.э. протекали самостоятельно, а метисной зоной между оседлым и кочевым населением являлась территория населения караабызской культуры.

На поздних этапах сарматской культуры параллельно с широким распространением искусственной деформации черепов про слеживаются дальнейшее наследование монголоидной примеси. Основа антропологического типа сарматов остаётся прежней — смешанной с преобладанием европеоидного компонента, истоки которого связаны, с одной стороны, с местным сарматским населением, с другой — с древним населением Приаралья и Средней Азии. На последнее указывает гиперморфность черепов, заметное увеличение длины черепной коробки.

Рис. 9. Антропологический тип населения степной части Южного Урала в VII в. до н.э. Гумаровский могильник. Реконструкция Т.С. Балуевой.

Рис. 10. Антропологический тип населения Южного Урала в III—II вв. до н.э.
Могильник Старые Кииши.
Реконструкция Г.В. Лебединской.

Небольшая монголоидная примесь впервые появляется в регионе, как уже отмечалось, вместе с расовым типом савроматов и постепенно нарастает до первых веков н.э.

Большую роль в расогенетических процессах на Южном Урале сыграли наметившиеся в эпоху бронзы южные связи с районами Приаралья. Эти связи, видимо, сохранялись на всём протяжении существования сарматской культуры и определили, в конечном счёте, культурный и антропологический облик населения лесостепной и степной части Южного Урала. Расогенетическая связь между населением эпохи бронзы и раннего железа прерывается в истории края на рубеже II и I тыс. до н.э.

Таким образом, в эпоху раннего железа на севере и юге современного Башкортостана, т. е. в лесной и лесостепной полосах, расогенетические процессы протекали относительно самостоятельно. Оседлое население леса развивалось на базе местных культур, носители которых характеризовались комплексом признаков уральской расы; кочевое население юга — на базе формирующейся расы среднеазиатского Междуречья с урало-алтайской примесью (того антропологического типа, который был внесён в регион ещё савроматами). На протяжении VII в. до н.э. — IV в. н.э. процессы расогенеза в регионе не прерывались и определялись факторами миграции, метисации и относительной изоляции. Действие последнего фактора больше проявляется в антропологическом типе оседлого населения лесной полосы Южного Урала.

В целом для населения Башкортостана на всём протяжении существования сарматской культуры характерен смешанный тип, приближающийся к нерезко выраженной расе среднеазиатского международья и одному из вариантов средиземноморской расы.

В истории Южного Урала наиболее насыщенной миграционными и метисационными процессами является эпоха средневековья. Однако, как и в предыдущее время, для южных лесостепных и степных районов была более характерна мобильность населения, а в лесной полосе расогенетические процессы протекали относительно стабильно на прежней антропологической основе.

Так, расовый тип населения пьяноборской культуры без резких изменений прослеживается и в составе населения бахмутинской культуры. В этих районах сохраняется в основном прежний комплекс признаков, характерный для уральской расы. Можно отметить, что расогенез оседлого населения севера Башкортостана в I тыс. н.э. в целом протекал в условиях относительной изоляции и эндогамности по отношению к кочевым группам степи и лесостепи, что, видимо, было связано с этноязыковыми различиями, а также с различиями в мировоззрении.

Существенные изменения в этнокультурной и языковой ситуации в крае происходят, судя по археологическим и другим историческим материалам, во второй половине I тыс. н.э., когда на историческую арену всё более активно начинают вступать тюркоязычные кочевники. К этому времени образовались обширные союзы тюркоязычных племён, охватившие огромную территорию от Алтая до степей Южного Поволжья и Подонья. Одним из них был Западно-Тюркский каганат, вобравший в себя самые разные племена. В восточно-казахстанских степях, Прииртышье и Притоболье кочевали кимаки, в Семиречье и на Тянь-Шане — карлуки, в Западном Казахстане и Приуралье — кыпчаки и др.

Изучение и осмысливание исторических фактов этого времени на базе археологических, этнографических и языковедческих материалов имеет принципиальное значение для выяснения этногенеза и этнической истории башкирского народа. Ценную информацию о генезисе расовых типов средневековых кочевников и их роли в формировании антропологического состава современных башкир содержат палеоантропологические данные.

К настоящему времени опубликованы антропологические материалы бахмутинской культуры III—VII вв. н.э. из Бирского могильника, кушнаренковско-караякуповской культуры III—IX вв. н.э. из Кушнаренковского могильника и Бекешевских курганов, а также данные по кочевникам Южного

Урала IX—XII вв. н.э. из Старо-Халиловского, Старо-Мусинского, Мрясимовского, Манякского и других могильников, расположенных на северо-востоке Башкортостана²⁰. Значительный интерес вызывают материалы по кочевникам золотоордынского времени (XIII—XIV вв.), принадлежащие, по мнению археологов, кыпчакам. Они получены, в основном, с бассейна р. Урал из курганных могильников Урта-Буртя, Линёвка, Хабарный, Озерново и с территории Башкортостана из Сынтыш-Тамакского (Благоварский р-н РБ) и Ильчигуловского (бассейн р. Дёма) могильников²¹.

Сравнительный анализ материалов из лесной и лесостепной частей Башкортостана показывает неоднородность населения в III—IX вв. н.э. Расогенетические процессы на севере протекали в этот период относительно стабильно на базе антропологического пласта, связанного с предшествующим финно-угорским населением, в расовом типе которого преобладали различные варианты уральской расы. Богатый палеоантропологический материал содержит опорные памятники этого времени — Бирский (бахмутинская культура) и Камышлы-Тамакский (пьяноборская культура) могильники²². Бирская серия черепов (38 мужских и 26 женских) по всему комплексу признаков не выходит за пределы вариации антропологического типа населения Волго-Камья и лесной полосы Башкортостана. Для мужчин характерно сочетание средних размеров лицевого скелета с мезокранной формой черепа; лицо с умеренно выступающими носовыми костями, на обоих уровнях горизонтальной плоскости среднепрофилировано. В целом, серия укладывается в рамки характеристики европеоидных популяций. Величины отдельных признаков говорят о наличии монголоидной примеси в составе бахмутинцев²³.

Сопоставление “бирских” черепов с “камышлы-тамакскими” показало небольшие различия между этими сериями; но морфологически они близки, что говорит об их антропологической преемственности. Черепа у бахмутинцев несколько короче, лицо чуть шире, выше; лицевой скелет менее профилирован, при этом носовые кости выступают сильнее. Эти данные говорят о взаимодействии бахмутинцев с пришлыми группами населения, что особенно чётко прослеживается по материалам, относящимся к поздним этапам развития бахмутинской культуры. Усиление европеоидных черт в VII—VIII вв.

(лицевой скелет становится уже, более профицированным, резче выступают носовые кости) позволяет предположить контактирование бахмутинцев с пришлыми группами южного происхождения. Однако эти связи, видимо, были не столь значительны, т. к. к VIII в. н.э. на севере продолжает сохраняться комплекс признаков уральской расы, уходящий корнями в антропологические пласти наследия лесной полосы рубежа н.э.

Для выяснения происхождения европеоидного компонента в составе населения северного Башкортостана в VII—VIII вв. н.э. были рассмотрены серии черепов из Кушнаренковского (III—IX вв.) и Бекешевского (VII—IX вв.) могильников, относящихся к кушнаренковско-караякуповской культуре²⁴. “Кушнаренковские” черепа имеют резко выраженный европеоидный комплекс признаков. На трёх из 12 черепов имеются следы искусственной лобно-затылочной деформации, на одном — теменной. Для мужских черепов характерна долихокранная форма черепной коробки при средних размерах ширины и высоты. Лоб среднеширокий, умеренно наклонный, лицевой скелет средних размеров, в вертикальной плоскости — ортогнатный (на “бирских” черепах довольно часто встречались прогнатные черепа), на обоих уровнях горизонтальной плоскости лицевой скелет резко профилирован. Это хорошо заметно на всех без исключения черепах, у кушнаренковцев также наблюдаются высокие переносы с резко выступающими носовыми костями²⁵.

По всем этим параметрам “кушнаренковские” черепа резко отличаются от черепов населения бахмутинской и пьяноборской культур. М.С. Акимова справедливо полагала, что кушнаренковцы вообще не вступали в связь с местным населением, т. к. их расогенетические связи уходят за пределы Южного Урала. Сопоставление южноуральского материала с данными по соседним регионам позволяет утверждать, что происхождение кушнаренковцев больше связано с населением юга (по многим признакам лицевого скелета и черепной коробки близкими к ним оказываются черепа из Верхне-Салтовского могильника). Суммарный анализ также исключает генетическое родство и следы биологического взаимодействия кушнаренковцев с населением Южного Урала. Кушнаренковцы — единственная средневековая группа, которая резко отличается от остального населения. Например, суммарный анализ 19 при-

знаков, проведённый по методу Пенроза-Кнуссмана, показывает, что коэффициенты обобщённых расстояний во всех случаях превышают 1,0; с черепами из Бирского могильника коэффициент составляет 1,02, из Старых Киишков — 1,457, что вообще исключает их связь с предшествующим населением эпохи раннего железа. Также велико расстояние между кушнаренковцами и населением VII—IX вв. из Бекешевских курганов (коэффициент достигает 1,165), кочевниками IX—XII вв. с северо-востока Башкортостана (1,280) и кыпчаками (2,598)²⁶.

Таким образом, результаты анализа показывают, что население, оставившее Кушнаренковский могильник, — пришлое и имеет, скорее всего, южное происхождение. Кушнаренковцы генетически не связаны с предшествующим населением Южного Урала, и их участие в расогенетических процессах в крае в последующее время не прослеживается.

Более ясным представляется место в истории Южного Урала кочевых групп населения IX—XII вв. с северо-востока Башкортостана и более ранних кочевников из Бекешевских курганов.

Серия черепов кочевников IX—XII вв. сборная, составлена из материалов Маняксского (VII—IX вв.), Карабаевского (IX—X вв.), Мрясимовского (XI—XII вв.), Муракаевского (X—XI вв.), Старо-Халиловского (IX—X вв.), Старо-Мусинского (IX—X вв.), Сынтыш-Тамакского (XIII—XIV вв.) могильников. Исследованные М.С. Акимовой и её ученицей С.Г. Ефимовой черепа по многим параметрам близки между собой (высота лица и переносца, угол носа, некоторые размеры черепной коробки), что позволило объединить их в одну сборную серию²⁷.

Сопоставление сборной серии черепов кочевников Башкортостана IX—XII вв. с другими средневековыми материалами Приуралья, проведённое С.Г. Ефимовой на основе расстояний D^2 (по Махаланобису) и построенных дендрограмм, показало неоднородность населения края. Все местные серии черепов (население пьяноборской и бахмутинской культур) показывают очень тесные связи между собой; все пришлые группы обособились в отдельный кластер. Метод D^2 подтвердил сходство европеоидного краинологического типа Кушнаренковского и Верхне-Салтовского могильников. Кочевники IX—XII вв. также объединились в самостоятельный кластер. По суммарным данным черепа кочевников северо-востока Башкортостана

оказались относительно близкими к черепам из Бекешево (0,341) и очень близкими к краинологической серии XIII—XIV вв. из Сынтыш-Тамакского могильника (0,194), что может указать на процессы взаимодействия кочевников с местным населением и на их участие в расогенетических процессах в более позднее время²⁸.

Судя по археологическим данным, кочевники IX—XII вв. северо-востока Башкортостана являются пришлым населением, связанным своим происхождением с тюркскими кочевниками Зауралья и Алтая. Антропологически они близки с кочевым населением Казахстана и Южной Сибири VII—X вв. Краинологические признаки кочевников тюркского времени Алтая, Казахстана также находят аналогии в среде кочевников Южного Урала. Типологически они относятся к краинологическому комплексу, имеющему непосредственное отношение к формированию южносибирской расы, которая довольно чётко представлена и среди башкир. Необходимо особо отметить, что за всю историю региона наибольшая доля монголоидного компонента у пришлых групп населения связана с кочевниками IX—XII вв.

Значительный интерес при изучении расогенеза башкир вызывает палеоантропологический материал из Бекешевских курганов. Серия черепов из этого могильника довольно однородна, в целом европеоидна, но имеет ряд признаков, указывающих на смешанный характер происхождения их антропологического типа. Черепная коробка у бекешевцев длинная, по указателю — мезодолихокранная, средневысокая. Лицевой скелет относительно узкий, средневысокий, но при этом отмечается тенденция к уплощённости лицевого скелета на обоих уровнях при средневыступающих носовых костях. Сочетание признаков таково, что позволяет говорить о типологической характеристике этих черепов. Как представляется, в формировании расового типа бекешевцев приняли участие два компонента: первый, преобладающий — тип среднеазиатского Междуречья, второй — один из вариантов уральской расы алтайского происхождения. Серия довольно резко отличается от черепов предшествующего населения, что указывает на пришлый характер этой группы кочевников. Суммарные расстояния, например, с кушнаренковцами составляют 1,165, с сарматами — 0,508. Необходимо подчеркнуть, что европеоидный компонент у бекешевцев и ранних

сарматов, видимо, имеет общее происхождение — по этому компоненту у них гораздо больше сходств, чем различий²⁹.

Опорных памятников золотоордынского периода (XIII—XIV вв.), за исключением Сынтыш-Тамакского могильника, на территории Башкортостана пока не обнаружено. Антропологические материалы этого времени, будь они в достаточном количестве, имели бы исключительный интерес, т. к. отражали бы, с одной стороны, физический тип населения края перед монгольским нашествием, а с другой, что не менее важно, его отношение к предшествующему населению VII—IX вв.

Монгольское нашествие, как известно, привело в движение огромные массы тюркского и нетюркского населения Южной Сибири, Казахстана и Средней Азии. Волны этого многоликого и разноязычного потока, в авангарде которого были кыпчакские и кыпчакизированные племена Дешт-и-Кипчака, коснулись и Башкортостана, что позволило учёным говорить о кыпчакском периоде в этнической истории башкир. Следствием кыпчакской миграции явилось, по мнению этнографов, проникновение на территорию Южного Урала и дальнейшее развитие таких крупных родоплеменных подразделений, как катай, кыпчак, мин, табын. Активное проникновение различных кыпчакских диалектов в XIII—XIV вв. в башкирскую среду отразилось и в языке народа, который языковеды включают, наряду с татарским, в кыпчакско-булгарскую подгруппу тюркской группы языков.

Археологические памятники золотоордынского времени в виде однотипных захоронений под небольшими земляными или каменными насыпями, изученные в последнее время в бассейне р. Урал, дали интереснейший краинологический материал. Многие элементы погребального обряда кыпчаков Оренбургья обнаруживают аналогии в среде половцев и кыпчаков Казахстана, Средней Азии, Южной Сибири, Поволжья и южно-русских степей. Это лишний раз говорит о том, что на бескрайних просторах Дешт-и-Кипчака тюркоязычные кочевники в лице кыпчакского племенного союза оказались доминирующей политической силой.

Таким образом, языковое и культурное воздействие на башкир кыпчаков, расселившихся в XIII—XIV вв. на территории Южного Урала, казалось бы, налицо. Но были ли миграция кыпчаков на территорию Башкортостана массовым явлением, чтобы ока-

зать существенное влияние на ход этнических процессов в регионе?

Для выяснения этого вопроса необходимо сравнить краинологические материалы кыпчакских памятников XIII—XIV вв. с территорией современного Оренбургья, а также синхронных им памятников, расположенных на территории Башкортостана на фоне материалов по всем этнографическим группам башкир.

По мнению исследователей, для кыпчаков был характерен комплекс признаков южносибирского расового типа, который в системе антропологических типов народов России считается по историческому возрасту относительно «молодым». Следует отметить, что признаки южносибирской расы начинают проявляться на палеоантропологическом материале Казахстана и Семиречья ещё с рубежа н.э., а во II тыс. н.э. данный тип краинологически достаточно чётко прослеживается в Казахстане, Семиречье, а также в равнинной части Средней Азии. Предполагается, что формирование южносибирского расового типа происходило при активном участии древнего восточногоprotoевропейского андроновского типа, южных европеоидов и различных вариантов монголоидной расы³⁰. Классическими представителями этой расы в настоящее время являются киргизы, казахи, отчасти тюркоязычное население Алтая.

Анализ серий черепов из кыпчакских погребений XIII—XIV вв. (могильники Урта-Буртя, Линёвка, Хабарный, Озерново) показывает прежде всего неоднородность их антропологического типа. В них нередко рядом с черепами с преобладающими признаками южносибирской расы встречаются черепа, представляющие тип среднеазиатского междуречья, что уже само по себе ставит вопрос о единстве антропологического состава населения Дешт-и-Кипчака. Так, среди черепов из Урта-Буртя три черепа характеризуются признаками южносибирской расы, два — среднеазиатского междуречья, на отдельных черепах обнаруживаются также и признаки закаспийской расы. Всё это свидетельствует о том, что кыпчаки были неоднородны по своему расовому типу и представляли собой военно-политический союз, включавший в свой состав боеспособное население покорённых Чингисханом и его преемниками народов Средней Азии и Казахстана. Дополнительным аргументом в пользу данного предположения может служить тот факт, что на отдельных черепах имеются